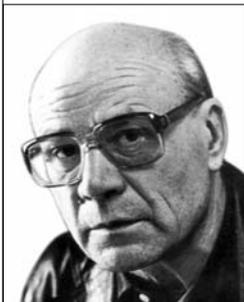

ПРОБЛЕМНАЯ СИТУАЦИЯ в сфере образования и пути её решения

Игорь Васильевич Бестужев-Лада

Статья, которую мы вам предлагаем, очень типична для творчества Игоря Бестужева-Лады: тематически (по остроте) и стилистически (публицистичность и убедительность аргументов) она узнаваема даже без подписи автора. К сожалению, Игорь Васильевич прав: классовая борьба продолжается до сих пор. Сейчас основное «классовое» противостояние — это учительский корпус и управленческий. Лет тридцать ведёт пресса борьбу с бюрократизацией школы. Не утихают «классовые» сражения и в пространстве «учителя и ученики». Стоит выразить детям (или их родителям) недовольство учителем — ребёнка «съедят» или вынудят поменять школу. И происходит это потому, что учителей унизили до состояния лакейского оказания услуг. Так что статья Бестужева-Лады отнюдь не утратила своей актуальности. Вот только вопрос: прочтут ли её те, от кого зависит не лихорадочное реформирование образования «туда-сюда», а его компетентное возвращение в пространство подлинной науки и здравого смысла?

• политика в сфере образования • управление • иерархия • социальное прогнозирование

Почти четверть века назад, ещё при советской власти, на Всесоюзном семинаре при секторе социального прогнозирования Института социологических исследований АН СССР (ныне Институт социологии РАН) бурно обсуждалась явно антимарксистская теория классовой борьбы в сфере народного образования.

Если верить авторам этой теории, в сфере образования безысходно

борются ровно четыре враждебных друг другу класса, каждый со своими собственными классовыми интересами, которые не имеют друг с другом ничего общего. Мало того, просто взаимно исключают друг друга. Три разных класса эксплуататоров пока ещё нетрудового народа. И один — жестоко эксплуатируемый ими.

Один класс определяет политику в сфере образования. Это управленцы всех уровней, от инспектора до министра.

Для него, как в дни Отечественной войны, важно одно: чтобы, как тогда говорили, был «порядок в танковых войсках». Чтобы строго соблюдалось расписание, чтобы была стопроцентная успеваемость, чтобы — самое главное — были в ажуре разработанные самими же управленцами показатели. И чтобы никаких ЧП — смертельных врагов каждого управленца. Заметим, что всё это не какая-то блажь, а особенности работы любого управленца в мире. Заметим также, что в любой сфере управления существует иерархия. И горе тому управленцу, у которого подкачает отчётность в глазах вышестоящей инстанции. Поэтому ради отчётности нормальный управленец не остановится ни перед чем. Даже ради жизни на Земле.

Всё было бы хорошо, если бы управленцам не сопротивлялись самым отчаянным образом три других класса — учителя, родители и учащиеся.

Да, среди учителей встречаются фанатики-энтузиасты, которым можно годами не платить зарплату, и всё равно они растворят свою жизнь в жизни своих учеников, начнут вести учёбу ради учёбы, как настоящий художник — искусство ради искусства. Но, в основном, миллионная армия учителей ничем не отличается от таких же армий врачей, инженеров, офицеров, чиновников и других специалистов со специальным средним и высшим образованием. Вообще от любых работников общественного производства с любым уровнем образования. Для такого работника, согласно марксизму-ленинизму, важнее всего условия работы и её оплата. Если платят порочно, он готов дать хоть двенадцать уроков в день. А уж выдержит ли это ребёнок — это его проблемы. Важно также не войти в конфликт с родителями и особенно с начальством — это будет себе дороже. Поэтому основная масса учителей, как и всех остальных работников общественного производства, плывёт и будет плыть по течению в зависимости от того, как складываются обстоятельства. Лишь бы не мешали работать и хоть что-то платили, чтобы не пойти по миру с сумой.

Главная особенность родителя — в том, что он не видит никакой разницы между разно-

образной живностью в своём доме. Для него что котёнок, что кутёнок, что ребёнок — одинаково любимые существа. Кутёнок должен радовать взор и приносить медали с выставки. Ребёнок — тоже. Каково при этом кутёнку и ребёнку — это их личные проблемы. Кроме того, если кутенка вышвырнуть на улицу — он прибьётся к стае бродячих собак и будет вести жизнь по законам звериной стаи. Ребёнок — тоже. При этом, в отличие от кутенка, способен «сесть на иглу» и принести в дом такие бедствия, какие не по силам ни одной бешеной собаке. Поэтому для родителя важно, чтобы ребёнок возможно дольше сидел на скамье под надзором учителя. На какой скамье и у какого учителя — это уже детали. Для этого не жалко никаких денег. Никаких!

При всём том все три эксплуататорских класса трагически ошибаются, воображая, будто эксплуатируемый класс идёт в школу учиться. Для нормального школьника всякие знания, умения, навыки — как смерть, гроб, могила и три креста. Это нечто мешающее жить, но неизбежное, о чём лучше не задумываться. Нечто вроде рекрутчины. Не хочется — но ведь ловят с милицией! Нормальный ребёнок, подросток, молодой человек идёт в школу для самоутверждения. Чтобы пообщаться, поиграть, людей посмотреть и себя показать. Как на дискотеку. На дискотеке — драка. В школе — учёба. Приходится принимать жизнь такой, какова есть.

Ещё одна сенсация, которая общеизвестна, но игнорируется, как нечто неприличное. Оказывается — кто бы мог подумать? — что школьники вовсе не все на одно лицо. Чтобы не говорить о дебилах, здесь к делу не относящихся, напомним, что растущий, и весьма значительный, процент школьников — маргиналы. Это прослойка, пограничная между нормальным

и ненормальным состоянием человека. Их сегодня намного больше, чем вундеркиндов, успешно заканчивающих университеты. Миллионы! И только сумасшедший может пытаться сделать из них специалистов с высшим образованием. Мы, несумасшедшие, судя по содержанию образования в школе, — пытаемся.

Общеизвестно, что 90% школьников встанут за станок или за прилавок, сядут за руль или за письменный стол простого служащего, к компьютеру или на стул охранника. И ещё 9% станут учителями, врачами, инженерами — дипломированными специалистами с высшим образованием. И лишь менее 1% станут математиками, физиками, химиками, биологами, литературоведами и историками. Тем не менее в школе учат так — и только так! — слово все до единого абитуриенты пойдут на физфак МГУ или, на худой конец, в ГИТИС.

И не могут учить иначе. Потому что управленцы — как и все управленцы на свете — живут в мире столетней давности. Когда был отчаянный дефицит дипломированных специалистов, и им платили вдвое, втрое, вдесятеро больше просто за диплом. Вот школа сегодня и готовит бывший дефицит, давно переставший быть дефицитом. Потому что учителя, как и все работники общественного производства, могут учить только так, как научили их самих. Потому что родителям важно, чтобы их дети возможно дольше сидели в школе — в любой, пусть даже в такой, какая есть.

Эксплуатируемый класс, как умеет, сопротивляется такому анахронизму. Своей молодёжной контркультурой, воинствующе враждебной «культуре взрослых». Своим вопиющим поведением в школе и во всех остальных общественных местах. Криминологи давно констатировали, что школа стала вторым по масштабам после неблагополучной семьи социальным источником преступности. Масштабнее теневой экономики, пьянства

и наших «мест заключения», вместе взятых. Наконец, бегством миллионов и миллионов детей, подростков, молодых людей подальше от сферы образования.

И это не говоря уже о лавине внешних факторов, резко меняющих условия существования подрастающего поколения. Начиная с портативного компьютера ближайших лет, который, в союзе с Интернетом, грозит полной революцией в сфере производства и потребления любой информации, включая любую учёбу. И кончая начинающимся массовым вырождением, просто вымиранием тех народов, которые перешли к городскому образу жизни и потеряли потребность в семье, детях. На них насаждают народы, которые только ещё начинают переходить от сельского к городскому образу жизни, у которых поэтому растущие сотни миллионов безработных и которые, по сути, давно уже развязали Четвёртую мировую войну, столь же непохожую на Третью («Холодную»), сколь та — на Вторую и Первую. Кроме того, в странах, перешедших к городскому образу жизни, неизбежны развал семьи, деморализация населения, повальное пьянство, надвигающаяся лавина наркомании и организованная преступность, сравнявшаяся силой с государством.

Учащиеся и их родители не обязаны знать обо всех этих сложностях. Задумайтесь — с ума можно сойти! Но эксперты, специалисты в сфере образования, должны знать такие вещи досконально.

Знают ли? Конечно, знают!

В секторе социального прогнозирования Института социологии РАН в 1995–2000 гг. было проведено очередное, восьмое по счёту за последние 33 года, исследование. Второе по методике «Экспертный сценарно-прогностический мониторинг», которая предусматривала пилотаж, тройной опрос двух групп экспертов по разным анкетам-интервью и заключительную монографию. На сей

раз темой мониторинга были «Ожидаемые и желаемые изменения в системе народного образования России». В первую группу экспертов (трижды менявшихся) входило шестнадцать наивысших авторитетов в данной области: четверо управленцев с инновационным мышлением, четверо учёных с той же аттестацией, четверо известных всей стране педагогов-новаторов и четверо общественных деятелей из комитетов по науке и образованию разных законодательных собраний. С ними было проведено так называемое глубокое интервью — фактически допрос с пристрастием продолжительностью несколько часов каждый. Вторую группу (тоже трижды менявшуюся) составили шестьдесят школьных педагогов из московских школ-лабораторий, где без нововведений не проживёшь. Они отвечали на анкеты, данные из которых затем сопоставлялись с результатами опроса экспертов первой группы. Трудно найти в России людей, которые знали бы о прошлом, настоящем и будущем российской системы образования больше, чем эти эксперты.

По итогам исследования, как и во всех предыдущих случаях, была написана отчётная монография «Нужна ли школе реформа?» (Издательство Педагогического общества России, М., 2000). Если попытаться свести воедино множество различных и во многом противоречивых суждений экспертов, то получается, что большинство экспертов признают необходимым:

1. Всеобщее бесплатное дошкольное образование детей 3–6 лет рядом с домом родителей в разных режимах — от прогулочной группы до недельного стационара, смотря по особенностям той или иной семьи. Определялся и круг такого образования: этика, эстетика, навыки физического и умственного труда, азы естества — обществознание, физическая культура, чтение, счёт, навыки рисунка и письма. Разумеется, всё это — только в режиме детской игры. Многие эксперты возмущались тем, что мы признаём ребёнка человеком лишь с шести-семи лет, когда даём ему обязательное бесплатное образование. До этого он как чемодан: хочешь — сдавай за особую плату в «камеру хранения», хочешь — выбрасывай на улицу. Это, конечно же, безобразие.

2. Начальная школа для детей должна быть решительно отделена от неполной средней школы для подростков. Не только потому, что иначе получается растлевающая детей «дедовщина», когда старшие развращают своим общеизвестным поведением младших. Но и потому, что к детям в школе нужен один подход, а к подросткам — совершенно другой. В сознании того, что ребёнок отличается от подростка гораздо сильнее, чем пионер от пенсионера. А сейчас подход тотально огульный. Всем «сёстрам» с первого по одиннадцатый класс раздаётся в общем и целом по одним и тем же серъгам.

3. Неполная средняя школа во что бы то ни стало должна быть поднята на уровень полной средней, что не выходит за границы реального. Сегодняшние подростки взрослеют намного быстрее своих отцов и дедов — правда, очень односторонне, только информационно. Мы уже признали этот факт, начав выдавать паспорта гражданина РФ 14-летним молодым людям. Но что значит гражданин государства без аттестата зрелости? Это уже из шедринской истории города Глупова. При этом большинство экспертов подчёркивали, что средняя школа должна перестать быть разновидностью подготовительных курсов в вуз. У неё другая задача — привить будущему новому гражданину страны элементарную мировоззренческую, научную, эстетическую, этическую (в том числе половую), правовую, политическую и религиозную культуру. Включая культуру питания (и пития), одежды, жилища, учёбы и труда. Что в сегодняшней школе отходит далеко на задний план по сравнению с 11-летним «натаскиванием» к приёмному экзамену в вуз.

Многие эксперты считают, что превращение «подготовительных курсов в вуз» в полноценную среднюю школу могло бы быть значительно облегчено,

если бы в школе, как говорится, не стригли всех под одну гребёнку, а предлагали, помимо базовой, ещё несколько программ: с одной стороны, «продвинутую» или даже «специализированную» для уже выбравших себе тот или иной путь в жизни; с другой — «коррекционную» (не только для слепых, глухих и маргиналов) или даже просто «ознакомительную», для тех, кто хотел бы составить себе лишь общее представление о предмете, с которым не намеревается сталкиваться во всю свою последующую жизнь.

Разумеется, в аттестате должна учитываться не только оценка, но и программа, по которой занимался ученик. И лезть с «ознакомительной» программой по физике на физфак МГУ не стоит. Кстати, некоторые эксперты очень критически отозвались о существующей системе оценок: она, по их мнению, носит репрессивно-унижающий характер. Но что взамен? Зачёты? Тесты? Собеседования? Тут мнения экспертов потеряли определённую и значительно разошлись.

Заслуживает внимания, на наш взгляд, и ещё одно соображение ряда экспертов. Не один и не двое из них предложили поднять на качественно новый уровень постылую школьную «продленку». Академически это предложение можно сформулировать как органическое соединение в одном и том же школьном здании подсистем школьного и дополнительного образования (что не исключает, разумеется, нормального функционирования различных «домов детского творчества», уцелевших после тотального погрома «домов пионеров» и прочего наследия советских времён). Практически это означает сеть школьных клубов по интересам, замкнутых на соответствующие межшкольные центры. Пусть будущий шофёр не корпееет во второй половине дня или вечером над абсолютно непонятными для него и ненужными в его дальнейшей жизни «иксами-игреками», а идёт в школьный автоклуб и ложится под любимый механизм. А будущий

Эйнштейн не пытается вникнуть в глубоко чуждый и неинтересный ему «образ Евгения Онегина», а упивается потрясающими уравнениями с такими же, как он, Капицами. Опыт показывает, что это даёт в конечном счёте десятикратный эффект безо всяких позорящих двоек и вызова родителей к директору.

4. Взрослых молодых людей 15–20 лет (уже не подростков!) недопустимо вышвыривать из школы на улицу, где их никто не ждёт, кроме так называемых криминальных структур. В общественном производстве ни по разуму своему, ни по квалификации они никому не нужны. У нас и без них каждый третий из трудоспособных — открытый или скрытый, полный или частичный безработный. С другой стороны, наши 18-летние первокурсники такие же «студенты», как и «солдаты» (в кавычках). Чистый детский сад пополам с позорищем! Мировой опыт подсказывает: в этом возрасте первые два-три года лучше всего быть студентом профессионального колледжа с возможно более продолжительной производственной практикой, а последующие годы — вплоть до полного естественного совершеннолетия в 21 год, или даже дольше, пока не объявится желанная вакансия — стажёром по избранной профессии. Со сдачей профильных и общеобразовательных «минимумов», как аспирант, и с защитой «диплома» — пусть на одну страницу, как всякий студент. Профессиональный колледж для всех, до последнего маргинала (с соответствующей адаптацией к такому персонажу). В том числе «Высший экологический колледж» для будущих дворников.

Некоторые эксперты подчеркнули, что таким образом можно оптимально решить проблему проклятой рекрутчины. Некоторые из колледжей сделать привилегированными военными (после них все не обязательно идти в армию). А в остальных учредить кафедры военно-спортивной подготовки: день в неделю и месяц в году. В итоге получается

та же армия, что и ныне, причём для всех, даже для слабого пола. Но, в отличие от неё, безо всякой «дедовщины» и демонстраций заплаканных солдатских матерей. Никто из студентов колледжа даже и не заметит, что прошёл подготовку солдата и стал ефрейтором запаса. А в настоящую армию по огромному конкурсу попадут на третьем десятке лет жизни счастливики-контрактники, каждый из которых, как известно, стоит сотни молокососов с не обсохшим ещё на губах молоком своей зареванной матери. Правда, для этого требуются соответствующие стимулы, а не привычное российское «числом поболее, ценою подешевле».

5. Всю молодёжь — и тех, кто удовлетворится колледжем, чтобы пойти работать дворником за три-четыре тысячи рублей в месяц, а то и шофёром за восемь-десять, и тех, кто пойдёт в университет, чтобы в конце-концов стать профессором с окладом в полторы-две тысячи, должна ожидать подсистема постоянного, до самого выхода на пенсию, повышения квалификации и периодической переподготовки кадров. В понимании, что сегодня, как об этом трубят на всех углах, любые полученные знания безнадежно стареют самое большее за пять-семь лет. И что наш пожизненный диплом после этих лет имеет ту же ценность, что и купленный в переходе у метро. Между тем никакой системой в этой подсистеме до сих пор даже отдалённо не пахнет.

6. Все подряд — на сей раз уже до гробовой доски — должны стать клиентами ещё одной подсистемы — общего самообразования взрослых. Только в ней можно стать и остаться действительно образованным человеком, а не одним из 4 миллионов «советских интеллигентов». Практически это означает восстановление системы разгромленных вечерних университетов.

7. В университетах вовсе не обязательно учить всех подряд пять лет. Сознывая, что большинство студентов «учится» фактически только в ночь перед экзаменом. И что из таких получают хорошо известные «специалисты» (в кавычках), каждый третий из которых потом не в состоянии пройти самую элементарную аттестацию. Гораздо рациональнее,

как показывает мировой опыт, дать подавляющему большинству двухлетний бакалавриат с продолжительной пред- и постдипломной практикой. Конечно, кому-то понадобится по будущей профессии ещё два года магистрантуры, а нескольким процентам — ещё столько же докторантуры. В понимании, что защита диссертации старцами и стариками пред-, а то и постпенсионного возраста — это даже не позорище на смех всему миру, а намного хуже. Известно, правда, что у нас срочно введены по лучшим западным образцам и бакалавры, и магистры. А кандидаты и доктора наук существуют с незапамятных времён — правда, редко моложе бальзаковского возраста. Но каждый знает, что это просто комедия назло начальству: требуете? — ну, получайте: сначала бакалавр, а уж потом специалист.

Перечень предложений экспертов можно продолжать и продолжать. Но делать этого не следует, потому что ни в советской, ни в постсоветской России никакие серьёзные реформы — тем более, в сфере образования — изначально невозможны. В сфере образования им решительно воспротивятся целых два враждующих класса из перечисленных выше четырёх: родители и учителя.

Для родителей вот уже восемьдесят лет любой колледж (он же техникум, он же училище, он же ссуз — специальное среднее учебное заведение) — это осетрина второго сорта по сравнению с первосортной вузовской. Не беда, что в вуз пройдёт только один из пяти страждущих. Не беда, что каждый третий из прошедших вылетит из вуза после первой же сессии по полной неспособности к вузовской учёбе. Не беда, что после получения, с грехом пополам, вузовского диплома лишь считанные проценты пойдут работать по своей специальности. Большинство, образно говоря, встанет

за прилавок или сядет за руль — но с вузовским дипломом! Ради этого всякий уважающий себя родитель почти четверть века будет снимать с себя последнюю рубашку, чтобы его чадо не осталось без вождельной картонки. Поэтому за сохранение изжившего себя, полностью безумного ныне «статус кво» будут насмерть стоять все до единого папы и мамы, бабушки и дедушки. А эта сила сильнее всякого правительства.

Что получилось в результате? В результате на рынке знаний (а это такой же рынок, как и все остальные) постепенно сложился огромный и сложный «чёрный рынок», где за каждый шаг от горшка в малышовой группе детсада до банкета после защиты докторской диссертации надо выкладывать различные бакшиши — от десятирублёвой «Аленки» до кейса с десятью тысячами долларов. Хуже всего, что на этом тотально аморальном базаре с утра до вечера пустословят о Разуме, Чести, Совесть, Стыде и прочих высоких материях. Подрастающее поколение слушает всё это, а видит нечто противоположное. И вырастают яблоки, ко-

торые ещё покажут кузькину мать своей «яблоне».

В такой ситуации существующему учительству и особенно университетской профессуре пойти на малейшее изменение «статус кво» — значит, просто швырнуть кошке под хвост все доходы, при сложившейся системе получающиеся. А ведь эти доходы не сравнить с грошовыми учительскими и даже профессорскими ставками! Вот почему если даже сравнительно пустяковое новшество — единый государственный экзамен, оставляющий без приработка тьму репетиторов — встретил бешеное сопротивление профессуры, то нетрудно представить себе, что произойдёт, если управленцы покусятся на что-либо более радикальное.

Словом, думается, что и в этой сфере нашей жизни можно спать спокойно до тех пор, пока в жизни человечества в самом близком будущем, если верить современной прогностике, не произойдут изменения гораздо более радикальные, чем за последние несколько тысяч лет.

Но это уже — тема особого разговора. **НО**